

*Введенский А. И.* Западная действительность и русские идеалы:  
(Письма из-за границы) // Богословский вестник 1892.  
Т. 1. № 2. С. 403—414 (2-я пагин.). (Начало.)

## Западная действительность и русские идеалы.

(Письма из-за границы).

### ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Нѣмецкій типъ.—Его связь съ условиями страны.—„Культура“. — Берлинскій Университетъ.—Общее впечатлѣніе отъ Берлина.—Сердце Европы.—„Гнѣтъ-ли западъ“.—Перестановка этого вопроса.—Относительное значеніе западной культуры и ея коренная односторонность.

Никакое описаніе не въ состояніи замѣнить непосредственнаго опыта. Много говорятъ у насъ о нѣмцахъ съ ихъ неутомимою дѣятельностію, съ ихъ аккуратностію до педантизма и опрятностію до щепетильности; но все это лишь въ очень неполной и отдаленной степени выражаетъ тотъ рельефный нѣмецкій типъ, который слагается изъ массы живыхъ впечатлѣній, — особенно если подвергнешься напору этихъ впечатлѣній впервые прямо въ центрѣ нѣмецкой жизни, въ Берлинѣ, гдѣ конечно сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ фатерланда, выступаетъ своеобразный складъ нѣмца. Нѣмецъ виденъ во всемъ: и въ его тяжелой, тумашной, вдумчивой рѣчи; и въ его серьезно-дѣловитой фигурѣ; и въ его всегда приличномъ костюмѣ, по которому часто не отличишь ремесленника, рабочаго отъ интеллигента; и въ присутствіи ему чувствѣ мѣры; и въ сознаніи собственнаго достоинства, пропикающимъ каждою безъ исключенія — отъ сановника до послѣдняго шутцмана (городоваго) и фурмана (извозчика), который съ неизбѣжною газетою въ рукахъ и сигарою въ зубахъ комически-важно сидитъ на козлахъ своего исполнскаго экипажа, повидному весьма мало печалясь о томъ, подвернется ему сѣдокъ, или нѣтъ. Словомъ, повсюду какая-то степенность, вѣра въ себя, въ свои силы, въ свое достоин-

ство, которое уполномочиваетъ нѣмца на совершенное невниманіе ко всему чужому, — невниманіе до того паразитическое, что несомнѣнъ необразованный нѣмецъ можетъ, наприм., иногда спросить, не есть-ли Унсала главный городъ Россіи (sic!)...

Извѣстно, что народный характеръ стоитъ въ постоянномъ соотношеніи съ физико-географическими и климатическими условіями занимаемой имъ страны. Не входя въ разбирательство сложнаго вопроса о томъ, почему это такъ, — потому-ли, что внѣшняя природа пересоздастъ природу человѣка или потому, что человѣкъ, народъ, уже заранѣе обладающій извѣстными психо-физическими свойствами, ищетъ соответствующихъ условій жизни, — ограничимся простымъ напоминаніемъ о вышеуказанномъ обобщеніи, которое, какъ намъ кажется, можетъ пролить свѣтъ на нѣкоторыя особенности нѣмецкаго характера. Нѣмцы занимаютъ сравнительно небольшую территорію, испытываютъ постоянный недостатокъ въ естественныхъ продуктахъ, и вотъ они напрягаютъ все силы, испытываютъ всевозможные способы, изощряютъ свой умъ и свою изобрѣтательность, чтобы искусствомъ пополнить то, чего не дастъ природа. Съ величайшею тщательностію они воздѣлываютъ каждый клочекъ земли, утилизируютъ каждую рабочую силу, употребляютъ въ дѣло каждый, повидимому, никуда негодный предметъ, всякій продуктъ природы, и изъ ничего всегда умѣютъ какъ-то сдѣлать нѣчто. Въ самомъ дѣлѣ, нѣмецъ возитъ свои тяжести на собакахъ (даже въ самомъ Берлинѣ); въ его обѣденномъ меню сплошь и рядомъ можно встрѣтить такія приправы, такіе продукты, которые у насъ въ Россіи обыкновенно бросаютъ; онъ въ состояніи жить дѣлою семьей чуть не на одномъ аршинѣ земли; ходитъ лѣто и зиму въ одномъ и томъ-же платьѣ и это не потому, чтобы въ Берлинѣ было уже сомнѣнъ тепло, — конечно, здѣсь климатъ мягче, но бываютъ и холода, во время которыхъ русскій непременно нарядился-бы въ шубу, — а просто потому, что онъ нѣмецъ, что онъ привыкъ бороться съ природою, не приучилъ себя къ излишнему теплу, покою и нѣгѣ: сдѣлается холоднее, онъ пойдетъ быстрѣе и согрѣется. И вотъ онъ вѣчно бодръ и энергиченъ! Стоитъ прислушаться къ нѣмецкой походкѣ: право въ ней много типичнаго.

Само собою понятно, что развивая свои силы въ теченіе долгаго времени, изобрѣгая мало по малу свою изобрѣтательность, накопляя запасы опытовъ, нѣмцы достигли въ культурномъ отношеніи значительныхъ результатовъ. Они умѣстили жизнь въ строго опредѣленныя формы; урегулировали взаимныя отношенія до мельчайшихъ подробностей; сдѣлали все возможное для огражденія правъ личности и собственности, общественнаго спокойствія и тишины (въ Берлинѣ, напр., назначенъ опредѣленный часъ, послѣ котораго все дома обязательно должны быть заперты—10 ч. вечера) и т. д. Конечно, не все и не все эти формы и правила могутъ прійтись по вкусу: ко многимъ изъ нихъ пужно долго привыкать, а къ инымъ можно и совсѣмъ не привыкнуть (особенно стѣснительны, напр., правила найма квартиры: при помѣсячной платѣ, въ случаѣ намѣренія оставить квартиру, пужно заявить объ этомъ *непременно* 15-го и *непременно* до 12 ч. дня, а при годовой — за полгода и также *непременно* ровно за полгода и до 12 ч. дня; бывали случаи, что нѣмецкія подлежащія власти признавали недѣйствительнымъ заявленіе, сдѣланное *раньше 15-го*: для заявленій, — такъ мотивировали они свое толкованіе, — назначенъ *только* одинъ день — ни прежде, ни послѣ!). Но, не смотря на все это, польза не сознается, что въ общемъ нѣмецкая жизнь отличалась въ формы, при данныхъ условіяхъ (т. е. при сравнительной территоріальной тѣснотѣ и скудости естественныхъ продуктовъ) довольно удобныя, приличныя, сглаживающія все шероховатости, затуменывающія все темныя пятна, закрывающія обратную сторону медали, — словомъ въ формы „культурныя“, если подъ эластичнымъ словомъ „культура“ разумѣть, какъ обыкновенно и разумѣютъ, совокупность идей (научныхъ, художественныхъ, нравственно-практическихъ: понятія должнаго-недолжнаго, приличнаго-неприличнаго, благороднаго-неблагороднаго и т. д.), отношеній (юридическихъ, социальныхъ и экономическихъ, изъ которыхъ вырастаетъ вся система общественныхъ учреждений) и навыковъ (обычаевъ и приличій, техническихъ пріемовъ, куда можно отнести такъ-же и все формы такъ называемой матеріальной культуры — устройство жилищъ, платье и т. д.).

Изъ всехъ элементовъ культуры самый значительный,

безъ сомнѣнія, первый,—область идей, которыя находятъ свою систематизацію и формулировку въ наукѣ. Отношеніе къ наукѣ справедливо считается важнѣйшимъ показателемъ роста народнаго самосознанія, конечно, если это послѣднее не поражено коренною двойственностію, разрывомъ, задерживающимъ притокъ къ наукѣ самобытныхъ и почвенныхъ силъ, а съ другой стороны, препятствующимъ проникновенію научныхъ идей въ жизнь и воздѣйствію на нее. О нѣмцахъ этого сказать нельзя. Можетъ быть, ни у какого другаго народа наука не стоитъ въ такой тѣсной, непосредственной связи съ жизнью, какъ именно у нѣмцевъ. Она питается здѣсь лучшими народными соками, конечно всасывая въ себя и всѣ особенности національнаго характера (гдѣ имъ остается мѣсто), и съ другой стороны, ея идеи, въ такой или иной формѣ, такъ или иначе, иногда можетъ быть въ измѣненіи и даже искаженіи видѣ проникаютъ и въ жизнь. Это послѣднее обстоятельство имѣетъ и свои дурныя стороны (о чемъ рѣчь ниже); но есть въ немъ и сторона хорошая—уваженіе къ наукѣ. У нѣмцевъ, какъ и повсюду, много людей еще совсѣмъ неграмотныхъ, погруженныхъ всецѣло въ прозу одностороннихъ коммерческихъ, промышленныхъ и т. п. интересовъ; но даже и они съ какимъ-то мистическимъ уваженіемъ, даже благоговѣніемъ говорятъ о наукѣ: „умные люди гдѣ-то тамъ дѣлаютъ что-то такое необычайно важное, чего мы, простые, не понимаемъ, но что такъ или иначе полезно и для насъ“—вотъ разсужденіе, обычное для полуобразованнаго и даже совсѣмъ необразованнаго нѣмца!

Конкретнымъ воплощеніемъ нѣмецкой науки служатъ нѣмецкіе университеты и прежде всего Берлинскій университетъ, — грандіозное и замѣчательное явленіе! Англичане много трудились и трудятся надъ изобрѣтеніемъ такъ называемой „логической машины“. Конечно это нелѣпная затѣя, которая никогда не осуществится, такъ какъ нельзя-же въ самомъ дѣлѣ разсматривать нашъ разсудокъ, стоящій въ реальной и постоянной связи съ живыми и свободными движеніями нашей воли, нашего чувства, нашихъ идеаловъ, какъ какой-то механизмъ. Но если взять этотъ терминъ въ переносномъ смыслѣ, то, какъ кажется, онъ будетъ весьма пригоденъ для обозначенія берлинскаго университета. Вотъ

поистинѣ колоссальная „логическая машина“, которая переработала и постоянно перерабатываетъ съ неутомимостію механизма массу самаго разнообразнаго логическаго матеріала! Многочисленныя (до 60) аудиторіи громаднаго университетакаго зданія въ Берлинѣ съ ранняго утра до поздняго вечера (съ 8 до 8 ч.) переполняются слушателями, которые съ истиннымъ увлеченіемъ неофитовъ, кажется, боятся проронить хотя-бы одно слово изъ сообщаемой имъ мудрости. И при томъ въ рядахъ слушателей, особенно при такъ называемыхъ *publica* \*), на которыя допускаются всѣ желающіе, перѣдкость встрѣтить человѣка, убѣленнаго сѣдинами. Трогательно бываетъ видѣть, какъ эти почтенные старцы, въ ожиданіи профессора, ведутъ оживленные дебаты о философіи Шопенгауера, о теоріи Дарвина, а иногда и о другихъ, болѣе сухихъ и далекихъ отъ жизни предметахъ. Такое явленіе, кажется, можно наблюдать только въ Германіи. Вслѣдствіе такого отношенія къ наукѣ и университету, не только Herr Professor, Herr Doctor, но даже просто Herr Student является въ Германіи весьма почтенымъ именемъ, которое обезпечиваетъ его обладателю значительную долю вниманія.

Какъ извѣстно, уваженіе къ нѣмецкимъ университетамъ съ нѣмцами раздѣляютъ и интеллигентные представители другихъ странъ. Просматривая хронику Берлинскаго университета за послѣдніе годы, мы находимъ въ пей весьма интересные числовыя данныя. Мы узнаемъ отсюда, что въ числѣ его слушателей есть представители не только всѣхъ европейскихъ государствъ, но всѣхъ странъ свѣта—до Ав-

---

\*) Кстати объ этихъ publica. Когда-то они были въ обычаѣ у насъ въ Россіи — въ университетахъ и академіяхъ. Къ знаменитому Шишкенію Херсонскому, на его чтеніе de novissimis, съѣзжался, говорятъ, весь интеллигентный Кіевъ. Теперь, насколько намъ извѣстно, публичныхъ чтеній нигдѣ нѣтъ. Объ этомъ нельзя не пожалѣть,—особенно относительно академій: эти чтенія могли-бы быть хорошимъ проводникомъ богословскихъ идей въ интеллигентную среду (о чемъ теперь особенно прилагается такъ много справедливыхъ заботъ), и съ другой стороны, — могли-бы содѣйствовать оживленію самой богословской науки, неволью заставляя ея представителей справляться съ запросами жизни.—Въ Германіи для publica всегда назначаются небольшие (1 часъ въ недѣлю), но интересные курсы: конечно, иногда цѣлесообразно!

стралинъ включительно. Такъ въ составъ слушателей лѣтняго семестра 1889 г., общее число которыхъ простиралось до 4716 чел., входило 420 чел. иностранцевъ: 276 европейцевъ (въ томъ числѣ 105 чел. русскихъ), 110 американцевъ, 31 азіатецъ и 3 австралійца. Въ числѣ 5687 слушателей зимняго семестра 18<sup>89/90</sup> уч. года значится 353 европ. (изъ нихъ 112 русскихъ), 177 американцевъ, 22 азіата, 2 африканца и 3 австралійца. И при томъ присутствіе африканцевъ и австралійцевъ, не говоря уже объ азіатахъ и американцахъ, въ общемъ числѣ слушателей Берлинскаго университета не есть исключительное явленіе указанныхъ семестровъ: тоже самое съ періодическою правильностію повторяется и въ другіе учебные годы, такъ что Берлинскій университетъ является универсальнымъ не только по числу разрабатываемыхъ и преподаваемыхъ въ немъ наукъ, исчерпывающихъ весь объемъ, всю сферу человѣческаго знанія, но и по составу своихъ слушателей, стекающихся въ подлинномъ и собственномъ смыслѣ со всѣхъ концовъ вселенной. И замѣчательно, что вся эта многотысячная, разноплеменная, разновозрастная и разнохарактерная толпа покорно, пунктуально, точно и до мельчайшихъ подробностей выполняетъ предписанія университетскихъ статутовъ: каждый занимаетъ, какъ школьникъ, указанное ему профессоромъ, заупомянутое мѣсто; никто не позволяетъ себѣ ни шумныхъ порицаній, ни шумныхъ одобреній; пропускаются лекціи очень рѣдко — лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Это послѣднее обстоятельство отчасти, можетъ быть, объясняется и тѣмъ, что въ Германіи за лекціи платятъ и иногда довольно много (обыкновенная плата 5 марокъ въ семестръ за одинъ недѣльный часъ) и никто, конечно, не хочетъ платить даромъ. Но это объясненіе не исключаетъ и другаго, болѣе глубокаго и болѣе благороднаго мотива: иѣмцы хотя и учатся и вѣрятъ въ своихъ учителей, хотя иногда нельзя не спросить на чемъ въ концѣ концовъ держится эта вѣра, — въ Берлинѣ, какъ и повсюду, между даровитыми и знающими профессорами есть и посредственности, которыхъ, однако-же, слушаютъ почти такъ-же усердно. Все это указываетъ, до чего прочно держится у иѣмцевъ развѣработанная форма, порядокъ жизни. И конечно, эта привычка къ порядку, къ дисциплинѣ, имѣетъ и свои хорошія

стороны. — сообщать человеку особенную выправку, внести въ его частную жизнь подобный же порядокъ и строгость. Со стороны же такъ сказать объективной, въ приращеніи къ самому университету, указанное отношеніе къ профессорскимъ чтеніямъ показываетъ, насколько высоко стоитъ университетъ и его представители въ сознаниіи массы.

Если мы примемъ теперь во вниманіе, что и къ другимъ сторонамъ жизни, къ другимъ культурнымъ задачамъ нѣмецъ относится съ подобнымъ-же вниманіемъ, съ подобною же серьезностію, съ подобнымъ-же рвеніемъ; то легко поймемъ, почему нѣмецкая жизнь отличалась въ такія выработанныя формы и почему нѣмцы имѣютъ такое высокое представленіе о своемъ фатерландѣ, какъ „передовой культурной націи“. И можно себя вообразить, какое, такъ сказать, озадачивающее впечатлѣніе производитъ вся эта „культура“ на свѣжаго человѣка, когда послѣ длиннаго, утомительнаго пути онъ попадаетъ прямо въ центръ Берлина, гдѣ его со всѣхъ сторонъ тѣснятъ и давятъ колоссальныя сѣрыя громады домовъ; гдѣ разлито цѣлое море электрическаго свѣта; гдѣ на него смотрятъ неполныя зеркальныя окна съ разнообразнѣйшими и баснословно дешевыми предметами необходимости и роскоши; гдѣ по гладкимъ и чистымъ, какъ ноль, улицамъ неслышно скользятъ экипажи; гдѣ все такъ опрятно, прилично и, повидимому, довольно; гдѣ такъ много разныхъ „кушеткамеръ“ съ ихъ рѣдкимъ и цѣннымъ содержаніемъ; гдѣ чуть не на каждомъ шагу встрѣчаются книжные магазины, самымъ обиліемъ своимъ краснорѣчиво заявляющіе, насколько велика у нѣмцевъ жажда чтенія; гдѣ, наконецъ, этотъ подлинно универсальный университетъ! И естественно, что, подъ напоромъ всѣхъ этихъ впечатлѣній, не у одного русскаго путешественника могъ возникнуть вопросъ: не есть-ли все это, — все, что теперь предстало его взору, весь этотъ строй жизни, — не есть-ли онъ воплощеніе идеальнаго строя? не есть-ли западная культура начало осуществленія идеаловъ человѣческаго общегитія? Вопросъ, повторяемъ, естественный, но... извѣстно, что не все то золото, что блеститъ: встрѣчаютъ и націю, какъ и отдѣльнаго человѣка, конечно, по одеждѣ, по провожаютъ — по уму, по характеру, по духовному складу, и еще вопросъ, находится-ли

этотъ послѣдній въ точномъ соотвѣтствіи съ первою. Во всякомъ случаѣ, обаяніе перваго впечатлѣнія должно значительно ослабѣть, если къ нему отнести спокойно и объективно оцѣнить все *pro* и *contra*...

Благодушный нѣмецъ, за кружкою добраго пива, самодовольно повторяетъ слова какого-то своего поэта: *ja Herz Europens sollst du, o Deutschland, sein!* Нѣмецъ сохнетъ при этомъ на блескъ своей культуры, свѣтъ которой будто бы распространяется во все концы, все согрѣваетъ и все оживляетъ. Но если присмотрѣться къ этой культурѣ поближе, то, даже и не обладая особенною проницательностью, легко замѣтить, что она далеко не осчастливила людей, что изъ-подъ ея позолоченаго покрыва сплошь и рядомъ пробиваются обычные бичи чловѣчества — нищета, грязь и пороки: центръ Берлина чистъ и опрятенъ; его немногіе нищіе отменно благородны \*); но за то на его окраинахъ кишитъ пролетаріатъ. Рабочій вопросъ волнуетъ прессу и общество и порой принимаетъ порывистую, безпокойную форму. Нѣмецкая „культурно-научная“ пресса не возвысится до объективности—подтягиваетъ, подтасовываетъ, искажаетъ, глумится, особенно когда рѣчь заходитъ о политическихъ врагахъ, въ ряду которыхъ на первомъ мѣстѣ теперь, какъ извѣстно, стоятъ у нихъ русскіе (возмутительны и глубоко оскорбительны для русскаго сердца, напр., ея злорадныя подчеркиванія русскаго *Nothstand*!). Религіозная жизнь отступила на послѣдній планъ, — да при томъ она и дѣйствительно у нѣмцевъ слишкомъ блѣдна, безсодержательна, формальна... И вотъ лучшіе люди запада, извѣрившись въ положительныя начала жизни, проповѣдуютъ философію отчаянія!

Именно эта бѣдственная картина умственного и нравственнаго настроенія, просвѣчивающая тамъ и сямъ чрезъ благодѣющую культурную оболочку протестантскаго запада, дала основаніе нашимъ первымъ славянофиламъ сказать,

---

\*) Нищій *главнымъ образомъ* Берлина въ большинствѣ случаевъ *дѣйствительно* чловѣкъ убогій, показывается обыкновенно только въ праздники или наканунѣ праздника, и выпрашиваетъ подаваніе не назойливымъ приставаніемъ къ прохожимъ, а совершенно независимымъ, какъ будто нисколько не унижающимъ его достоинства, поигрываніемъ на шарманкѣ, гармоникѣ и т. д., или же—продажею восковыхъ свидъ, цвѣтвъ и пр.



что, не смотря на всю свою блестящую видимость, „западъ гниетъ“. Это было, конечно, жестокое и грубое слово, неосторожно сказанное въ жару борьбы и спора изъ-за русской самобытности: специфическихъ признаковъ гніенія не замѣтно и, можетъ быть, никто столько не сдѣлалъ для предотвращенія столь возможнаго при данныхъ условіяхъ разложенія основъ жизни, какъ именно нѣмцы, у которыхъ, не смотря на все неблагопріятныя условія,—не смотря на распатанность религіознаго начала, не смотря на растлѣвающеее вліяніе разнообразныхъ одностороннихъ доктринъ, не смотря на стѣсненные эконоическія условія быта,—не смотря на все это жизнь общественная и частная все-таки на чемъ-то держится. И вотъ почему одинъ изъ самыхъ выдающихся представителей позднѣйшей фазы въ развитіи славнофильства, авторъ замѣчательнаго, но къ сожалѣнію до самаго послѣдняго времени мало замѣченнаго труда: „Россія и Европа“, Н. Я. Данилевскій, переставилъ вышеуказанный вопросъ, поставилъ его въ болѣе скромной и отвѣчающей существу дѣла формѣ, и именно въ такой: въ какомъ періодѣ своего развитія находятся европейскіе общества,—продолжаютъ-ли они идти впередъ и въ гору, достигли-ли уже высшей точки, или уже склоняются къ западу своей жизни? Рядомъ остроумныхъ историческихъ и естественнонаучныхъ аналогій онъ приходитъ къ заключенію, что, хотя и нельзя сказать, какъ говорили славнофилы прежняго времени, будто западъ гниетъ, однако можно съ положительностію утверждать, что европейская жизнь уже склоняется къ западу, что самое обиліе результатовъ европейской цивилизаціи въ нашемъ столѣтіи есть признакъ того, что та творческая сила, которая ихъ производитъ, уже начала упадать, начала спускаться по пути своего теченія; что „то солнце, которое возвращало плоды европейской цивилизаціи и культуры, уже прошло меридіанъ и склоняется къ западу“...

Мы не находимъ удобнымъ вступать, вмѣстѣ съ почтеннымъ авторомъ „Россія и Европы“, въ сомнительную область гаданій о томъ, много или мало остается еще жить культурному западу, тѣмъ болѣе что *comparaison n'est pas raison*. Да для насъ это и не нужно и даже не особенно важно, такъ какъ для того, чтобы знать, какъ относиться

къ западу, не необходимо справляться, много-ли еще ему остается существовать. Отсылая, поэтому любознательнаго читателя для ознакомленія съ оригинальными сужденіями П. Я. Дашлевскаго къ его упомянутой книгѣ, попытаемся съ своей стороны еще разъ переставить занимающій насъ вопросъ.

Чтобы трезво относиться къ обаянію западной культурной жизни необходимо, намъ кажется, уяснить себѣ, можетъ-ли западная дѣйствительность, отлившаяся въ формы устойчивыя, опредѣленныя, которыхъ судя по вѣщамъ историческимъ аналогіямъ она уже не перемѣнитъ,—можетъ-ли она быть признана идеальнымъ строемъ жизни? Достаточно-ли широкъ, всеобъемлющъ, универсаленъ заложенный въ основу ея принципъ? Необходимо-ли, какъ то думали и думаютъ нѣкоторые, усвоить именно западный образъ мыслей, проникнуться европейскими чувствами, преобразоваться по образу и подобию *европейца*, чтобы стать *человѣкомъ*? Въ частности, относительно насъ, русскихъ—соотвѣтствуетъ-ли типъ европейца идеалу челоуѣка, какъ этотъ идеалъ отобразился и выяснился въ нашемъ народномъ сознаніи? Удовлетворяетъ-ли западная дѣйствительность тѣмъ чаяніямъ, идеальнымъ стремленіямъ и завѣтнымъ мечтамъ, которыми живетъ и дышетъ челоуѣкъ русскій? Словомъ, *наши русскіе идеалы и западная дѣйствительность въ одномъ-ли лежатъ направленіи*?

Конечно, было-бы въ высшей степени несправедливо осуждать все западное, всю европейскую культуру разомъ. Можетъ быть, западъ и дѣйствительно „гнѣтъ“, можетъ быть даже онъ представляетъ уже сплошное кладбище, но это, выражаясь словами одного изъ героев послѣдняго романа покойнаго О. М. Достоевскаго,—„дорогое кладбище, дорогіе покойники, надъ которыми каждый камень гласитъ о горячей минувшей жизни, о страстной вѣрѣ въ свой подвигъ, въ свою истину, въ свою борьбу, въ свою науку“. Съ титаническимъ размахомъ силы, съ прометеевскою гордою вѣрою въ себя, лучшіе, наиболѣе богато одаренные отъ природы люди запада упорно стремились зажечь на землѣ небесный огонь *полной* истины, *полнаго* довольства, *полнаго* счастья. Они исходили съ этою мечтою много путей; пускали въ дѣло много способовъ въ поискахъ за

этимъ благомъ. Порой блуждающіе огоньки обманчивыхъ призраковъ заводили ихъ далеко съ прямого пути въ непроглядную тьму; но порой невѣдомое искомое открывалось ихъ настойчиво ищущему духу, хотя-бы лишь въ формѣ смутнаго чаянія. Во всемъ этомъ есть много поучительнаго и не только въ отрицательномъ смыслѣ, — не потому только, что благодаря ихъ опытамъ намъ извѣстны стали ложные пути, на которые уже не слѣдуетъ больше вступать, — но и въ положительномъ: они вынесли къ свѣту знанія много сокровищъ, таящихся въ нашей природѣ, которую они такъ настойчиво пытались извѣдать и исчерпать; дали много техническихъ средствъ для улучшенія горькой земной участи человѣка, для борьбы съ физическимъ зломъ; обогатили сокровищницу обще-человѣческой науки и искусства многими цѣнными созданіями. Не видѣтъ въ этомъ никакой заслуги, закрывать глаза на все это было-бы не только не справедливо, но просто не разсчитливо, не экономично: такъ какъ тогда пришлось-бы, съ непроизводительною затратою труда, времени и силъ, снова доискиваться того, что уже давно найдено.

Все это такъ. Но при всемъ томъ, въ этихъ прометеевскихъ замыслахъ все-же есть одна роковая ошибка, которая состоитъ именно въ томъ, что они — замыслы прометеевскіе, гордые, самонадѣянныя; что тѣ люди, которые живутъ и жили, которые стремились и стремятся къ ихъ осуществленію, забыли или были недостаточно внимательны къ тому, что ихъ искомое вовсе не есть неизвѣстное; что оно не только извѣстно, но даже реально; что искомый ими небесный огонь вразумляющей истины и исцѣляющаго отъ всѣхъ земныхъ недуговъ блага уже давно затепленъ на немъ Рукою болѣе сильною, чѣмъ человѣческая, и горитъ свѣтло и ярко, распространяя около себя дѣйствительную теплоту и жизнь, а не обманчивое сіяніе, которымъ сіяетъ гордая культура запада, — горитъ и свѣтитъ въ странахъ, которыя еще далеко не могутъ похвалиться своею культурою, но которыя за то имѣютъ свыше, какъ даръ милости, то, чего не можетъ дать никакая культура...

Въ дальнѣйшихъ своихъ письмахъ мы попытаемся развить эту, пока лишь въ общихъ чертахъ намѣченную намъ, мысль, — попытаемся ближе, по возможности непосредственно

по указаніямъ самой живой дѣйствительности характеризовать въ религіозномъ, умственномъ и нравственно-соціальномъ отношеніяхъ жизнь запада, сначала протестанскаго, а потомъ и католическаго. Такимъ образомъ мы подготовимъ себѣ почву для рѣшенія постановленнаго нами вопроса о томъ, насколько *западная дѣйствительность отвечаетъ русскимъ идеаламъ*. — Ближайшее письмо будетъ посвящено важнѣйшему фактору жизни, — началу религіозному.

*А. Введенскій.*

Берлинъ.

31 (19) Декабря, 1891 г.